

Непрожитая жизнь

Автор:

Дана Делон

Непрожитая жизнь

Дана Делон

Trendbooks

Микаэль и Леа познакомились в фейсбуке. Двое подростков нашли друг друга в тяжелые времена. Ведь одиночество объединяет как ничто в этом мире. Но как быть, если человек, которому ты раскрыла всю свою душу, неожиданно пропадает? Леа не находит себе места. Ей как воздух необходим ответ на вопрос: где же ты, Микаэль? А затем приходит письмо... Письмо, которое разбивает сердце вдребезги.

Дана Делон

Непрожитая жизнь

Моим верным читателям

© Дана Делон, 2021

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

Изображение на обложке © Marta Syrko / Trevillion Images

https://www.trevillion.com/stock-photo/young-woman-under-sunshine/search/detailmodal-0_00282399.html?dvx=1903
(https://www.trevillion.com/stock-photo/young-woman-under-sunshine/search/detailmodal-0_00282399.html?dvx=1903)

ПЛЕЙЛИСТ:

the paper kites – Willow Tree March

NF – dreams

Daughter – youth

Kaleo – Way down we go

Hurts – Wings

One republic – apologise

Elliott Smith – between the bars

Ed Sheeran – Shape of you (acoustic)

Kaleo – Hot blood

3 doors down – here without you

Sam Tinnesz – when the truth hunts you down

Kaleo – all the pretty girls

Tibz – nation

Глава 1

Микаэль

Открываю глаза. Закрываю. Вновь открываю и опять закрываю. Мечтаю. Когда же наступит миг, тот самый миг, когда я больше не смогу выполнить это простое действие? Я представляю, как смотрю на себя сверху, и мои глаза закрыты. Они не открываются. Они просто закрыты. Покой написан на моем лице. Час пробил, теперь мое тело будет лежать без всякого движения, и я больше не буду его рабом. В комнату заходит мама, я чувствую запах ее духов и слышу тихие шаги. Я не открываю глаз. Я сплю. Так легче – проспать весь кошмар и всю боль. Я верю в жизнь после смерти, в другие миры и Вселенную. Еще я верю, что был создан для чего-то другого. Не для этого мира. На этот мир во мне обнаружили аллергию под названием «рак». Четыре года назад моя жизнь перевернулась...

Мама уходит. Я открываю глаза и сажусь. Это движение забирает почти все мои силы. Место, где я нахожусь, – это то ли больничная палата, то ли моя комната. Оно не похоже на комнату семнадцатилетнего парня из-за медицинской техники и огромного количества лекарств на тумбочках и столах. Оно не похоже и на палату из-за синих занавесок и моей мебели. Иногда я задумываюсь: что я чувствую к этому месту? Мама хотела, чтобы лечение проходило на дому, она считает, что дома человеку комфортнее, уютнее, спокойнее. Дом? Что такое дом? Я не ощущаю себя дома. Я ощущаю себя никак и никем. Депрессия? Чертовски верно.

Тянусь к компьютеру и захожу в Фейсбук. Страничка этой девочки все еще открыта, но новых постов нет. Уже три дня молчания – и я испытываю нехватку. Нехватку ее иронии и чувства юмора. Обычно она не молчит так долго, обычно она пишет по посту в день. Кликаю на фотографию профиля. Девочка на ней улыбается, и ее глаза блестят. То ли голубые, то ли зеленые, они ярко горят на фоне длинных черных волос. Мне нравится этот контраст. Мне нравятся ее губы и форма носа. Я бы даже назвал ее красивой. Я бы даже добавил ее в друзья и написал ей. У нас много общего – музыка, фильмы, книги. Нам было бы о чем поговорить и что пообсуждать. Я бы дарил ей красивые букеты и водил в кино. Встречал после школы и покупал сладости. Я бы хотел планировать с ней каникулы, познакомить ее со своей семьей и быть с ней. Но все это возможно лишь в другой жизни или на другой планете. Со злостью закрываю крышку ноутбука. Глубоко вдыхаю, хотя делать это больно – но больно делать абсолютно

все, – ложусь и замираю. Не шевелюсь, погружаюсь в некую прострацию между сном и реальностью. Стараюсь заглушить злость, бушующую в душе. Не получается. Внутри меня один за другим взрываются вулканы. Хочется кричать, рвать и метать. Но я не могу, слишком сильную боль вызывает любое мое движение. Вдох, выдох. Вспоминаю ее улыбку и успокаиваюсь. Осторожно поднимаюсь. Нужно принять обезболивающее, но это потом. Я тянусь к компьютеру. Открываю крышку, жду, пока перезагрузится ее страничка. И... Она пуста. Две секунды полного непонимания. Вновь перезагружаю страницу, но результат тот же. Страница пуста. Нет ни одного поста. Ни одного. Я смотрю на время: прошел час. За этот час она удалила все, что помогало мне улыбаться. Все, что дарило новые эмоции в течение последних трех месяцев. Удалила все полностью, без остатка. Вновь хлопаю крышкой и нажимаю на красную кнопку. Обезболивающее попадает в кровь и забирает с собой всю боль. Всю – и во мне остается лишь пустота.

Леа

«Хотите произвести очистку души от дерьма? Начните со страницы в Фейсбуке. Не знаю, почему и как это работает. Но удаление собственных постов, которые казались вам воплощением гениальнейших мыслей человечества, наверняка поможет успокоиться. Часа на два. А может, и меньше. А потом вы будете так же продолжать метаться, не зная, куда деться от гнева и печали. Давайте назовите меня подростком, который принимает все слишком близко к сердцу. Который преувеличивает масштаб катастрофы и вообще склонен фантазировать и надумывать проблемы там, где их нет. Так же проще. Смотреть на нас как на не понимающих жизнь дураков, свысока наблюдать за нашей глупостью. Ведь взрослые такие умные... Вы ведь умные? Три дня назад меня использовал парень, лишил девственности, бросил. А сегодня утром сосался с моей лучшей подругой прямо у меня перед носом. Пустяки? Вообще никчемная выдуманная проблема? Даже не знаю, что хуже. То, что он сделал это на спор, или что я – такая наивная дура. Или, возможно, тот факт, что все это произошло в День влюбленных? Вопрос риторический и не требует ответа. И вообще, знаете что? Пошли вы все на фиг! И заберите с собой этот кусок дерьма, в который я умудрилась влюбиться. Да, именно влюбиться. Разве первая любовь не должна быть чем-то прекрасным? Вы ведь умные, вы должны знать. И не надо врать. Я сейчас скажу вам правду. Слушаете? Я вам скажу правду, и звучит она так: все первые разы просто полный отстой. Во время первого поцелуя я не могла понять, что вообще происходит и зачем люди топят друг друга в слюне. Во время первого секса мне хотелось орать на Господа Бога: „Почему, черт бы тебя

побрал, мне так больно?“ О первой моей любви и говорить нечего. Ею оказался парень, который стал со мной встречаться, потому что поспорил с друзьями, что порвет меня в течение трех месяцев. Романтично, воздушно, любовно. Вишенкой на торте оказался тот факт, что все это время он тайно встречался с моей лучшей подругой, которая помогала ему в его „миссии“. Что должно быть в голове у девушки, которая помогает своему парню переспать с другой? Я вот тоже задалась этим вопросом, а ответ прост: эта девушка меня тихо ненавидела и мечтала сделать мне очень больно. Самое отвратительное – у нее это получилось. Мне больно. Боль разрывает меня изнутри, и к глазам подступают слезы. Я моргаю, стараюсь выровнять дыхание и заглушить истерику в зародыше. И мне это удастся. Я не буду плакать в школе. Эти любопытные и сочувственные взгляды, перешептывание за моей спиной. Они не увидят моих слез.

Вы спросите, что за дешевый сценарий? Скажете: „Девочка, очнись! Такого не бывает в реальной жизни. Ты пересмотрела подростковых сериалов“. Я бы тоже так ответила, не будь все это моей собственной жизнью. Тогда вы пожалеете меня и скажете: „Иди, деточка, домой, поговори с мамой“. А что, если дом – это не дом, а просто место, где я ночую? А что, если мама – это не мама, а женщина, которая меня родила? И что, если я живу с отчимом, который мечтает, чтобы мне исполнилось восемнадцать, и я свалила из ЕГО дома? „Где твой папа?“ – спросите вы. Ответ: „Я не знаю“. Устраивает? Я знаю, кто он. Знаю, что у нас одинаковые глаза и волосы. Еще знаю, что не вижусь с ним с двух лет и не имею понятия, где он в данный момент и с кем. А еще я точно знаю, что никому не нужна. Вы сейчас опять начнете говорить о подростковых гормонах. О том, что мне всего шестнадцать и я слишком остро реагирую. Но мне какая разница? Ведь то, что я чувствую, – полнейшее одиночество, боль и пустота, не знающая границ».

Перечитываю написанное. Хотите выговориться – напишите. Но публиковать не обязательно. Яростно жму на кнопку «Удалить». Сначала просто исчезают буквы, затем целые слова, после не остается ничего. Просто белое пространство. Мы с ним чем-то похожи. В моей душе сейчас тоже пусто. Я бы даже сказала – стерильно чисто.

Рафаэль

Яростный стук в дверь будит меня. Мама входит без разрешения, и каждый ее шаг тяжелыми ударами отдается у меня в голове.

– Ты проспал школу, а вчера вернулся поздно в стельку пьяный.

Я не открываю глаз. Я знаю, она смотрит на меня своим убийственным взглядом. Сейчас она скажет, что не собирается такое терпеть.

– Я не собираюсь такое терпеть.

Мои губы расползаются в легкой ухмылке.

– Я сказала что-то смешное? – В ее голосе звучит сталь.

И я знаю: если я сейчас перегну палку, все закончится истерикой, слезами, криками, мольбами о жалости. Поэтому я сажусь и открываю глаза. Они болят от солнечного света. Голова гудит, но я делаю усилие над собой и смотрю прямо на нее:

– Вчера отмечали восемнадцатилетие подружки Пьера. Прости, я должен был предупредить, но телефон сел, а номера наизусть я не помню, ты же знаешь.

Она долго смотрит мне в глаза, будто пытается понять, говорю ли я правду. Был ли я с ее обожаемым Пьером или с другими идиотами, которых она отказывается называть моими друзьями. В конце концов она отворачивается и вздыхает, словно принимая свое поражение.

– Раз уж ты не идешь в школу, проведи день с Микаэлем, – шепотом просит она, – мне кажется, ему одиноко.

Я лишь киваю, и она уходит.

Микаэль... Мой брат-близнец, с которым мы были неразлучны. Микаэль, который лучше, умнее, спокойнее, а внешне – моя копия. Однако в его системе произошел сбой, и последние четыре года своей жизни он умирает от рака. Если в детстве нас не могли различить, то сейчас это не составит труда. Я достаю из-под тумбочки аспирин, встаю и тянусь к рюкзаку, который валяется на полу.

Насколько я помню, там была вода. Запиваю и морщусь. Кажется, вода была несвежая, на вкус она отвратительна, но у меня так пересохло горло, что это не важно. Босиком, спотыкаясь о разбросанные вещи, бреду в свою ванную и долго стою под душем в ожидании, когда подействует таблетка. Микаэль – единственный человек на этой планете, который никогда не осудил меня. Никогда не пренебрег мною. И никогда не предал.

Выйдя из душа, я выбираю одежду и, посмотрев в зеркало, вижу нашу общую фотографию, приклеенную к рамке. На ней нам обоим по восемь лет, и мы совершенно не отличаемся, даже одеты одинаково. Разные у нас только взгляды: его умный и мой озорной. Вот и все различие. Как же тяжело понимать, что часть тебя умирает! И как тяжело дается осознание, что ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе не остановить эту лавину – рано или поздно она накроет дорогого человека и унесет с собой. Понять и принять этот факт практически невозможно. День за днем ты просыпаешься с дырой в груди, с абсолютной пустотой внутри и понимаешь, что не убежишь от надвигающегося будущего и никак не изменишь его.

Выйдя в коридор, я направляюсь в комнату брата. Я никогда не стучу, просто открываю дверь и вижу его лицо. Глаза Микаэля закрыты, ноутбук валяется на полу. Не знаю, спит ли он по-настоящему или всего лишь притворяется. Я ложусь на коричневый кожаный диван, сунув руку под голову. Ну что, поспим вместе. Когда-то мы все делали вместе. Как же я люблю его, и как же я не хочу, чтобы он умирал! Бездна надежды сменяется гневом. С тяжелым сердцем я закрываю глаза, стараясь уснуть. Но щемящая пустота не хочет оставлять меня. Она следует за мной в царство Морфея.

Глава 2

Микаэль

Брат спит на моем диване, и я точно знаю, он не притворяется. Его длинные волосы собраны в хвост. Грудь вздымается и опускается в беспокойном дыхании. Интересно, ему снятся кошмары? Я не бужу его, а внимательно всматриваюсь в каждый дюйм его тела. Он крепко сложен: тренировки по кикбоксингу дают о

себе знать. Его майка задралась, обнажая левый бок и открывая моему взору угольно-черную надпись татуировки. Она свежая, до сих пор покрасневшая, с нее еще не сошла корочка. Мы близнецы, мы оба похожи на маму. Только он действительно на нее похож, а я похож на ракового больного. Он красивый. Черные волосы до плеч, здоровый цвет лица. А я – серый, бледный и никчемный. Я не завидую ему. Нет. Я счастлив, что он не проходит через то же, что я. Я счастлив, что он красивый, молодой, здоровый. Ведь он мой брат. Моя плоть и кровь. Если бы у меня был выбор, кому из нас достанется эта болезнь, я бы все равно выбрал себя. Самое смешное, я больше чем уверен, что он тоже предпочел бы взять страдания на себя. Только мне эта ноша под силу, а ему, пожалуй, нет. Я принял свою болезнь. Он бы не смог, он слишком любит жизнь и слишком полон страсти.

Рафаэль резко открывает глаза и смотрит прямо мне в лицо. Глаза у него темные, почти черные, в них не видно зрачка. У меня точно такие же глаза, только его опущены густыми ресницами, а мои ресницы уже давно поредели. Его глаза блестят, а мои тусклые. Вот и вся разница.

– Давно пялишься? – интересуется он. Голос его после сна звучит грубее обычного.

– Ты спал больше четырех часов, интересная была ночь?

Он ухмыляется и дерзко смотрит на меня. Вот это я люблю в нем больше всего на свете. Рафаэль – единственный человек на планете, который не смотрит на меня с жалостью.

– Не представляешь насколько. Мы были в клубе, и я ушел оттуда с двумя близняшками. И угадай что? Как только я рассказал им о тебе, о моем дорогом брате-близнеце, эти две крошки решили назначить нам второе свидание. Ну что скажешь? Ты, я и те близняшки? – он утрированно поднимает брови. – Кстати, тот факт, что у них настоящий четвертый размер, должен перевесить чашу весов в твоей голове.

– Перевесить в какую сторону? Я не люблю большую грудь.

– Это потому, что в одной постели с тобой еще не было большой груди, брат мой. Все дело в отсутствии опыта.

Его серьезный тон смешит меня, и я ухмыляюсь.

– Ты сказал им, что твой брат умирает от рака?

Повисает пауза. Не знаю, зачем я произнес это вслух. Но выражение боли на его лице заставляет меня пожалеть о сказанном.

– Извини, Раффи. Просто вырвалось.

Он быстро берет себя в руки и швыряет в меня диванной подушкой.

– Любишь, чтобы тебя жалели, да? Думаешь, если скажешь телкам: «Я умираю, трахнетесь со мной последний раз» – это сработает? – Наглая ухмылка на лице и озорные огоньки в глазах – в этом весь Рафаэль. – Не выйдет, братец, ты – чертов Мика Делион[1 - «Делион» звучит по-французски так же, как «два льва» – deux lions.]. Львиная кровь. Девки дадут тебе без всякой бредовой истории о последних шансах.

Он вскакивает с дивана.

– Я чертовски голоден, пойду уничтожу все продукты и вернусь. А потом сделаю тебя в ФИФА.

Резкая смена темы, поспешный побег с моего дивана. Моя фраза уколола его больше, чем мне хотелось.

– Вызов принят, – отвечаю я без особого энтузиазма. – Раф, не мог бы ты, пожалуйста, подать мне компьютер? – Мне нужно еще раз убедиться. Нужно еще раз зайти на ее страницу.

Рафаэль смотрит на меня как на больного. Как на больного на голову. Он делает так всякий раз, когда я с ним вежлив, и это немного меня смешит.

– Вот, возьмите, сударь, – произносит он, протягивая ноутбук и отведывая мне легкий поклон головой.

– Клоун, – улыбаюсь я.

– А ты – маменькин воспитанный мальчик. «Рафаэль, бери пример со своего брата!» – с чувством говорит он, пародируя мамин голос.

С этими словами он закрывает за собой дверь. А я открываю ее страницу. Ее пустую страницу. Леа Санклер. Ноль постов. Ноль фотографий. Ноль интересов. Ноль информации. Что же с тобой случилась, Леа? Почему ты пытаешься стереть собственную жизнь? Стрелка зависла над кнопкой «добавить в друзья». Вдох. Выдох. У нас с ней сейчас есть что-то общее. Моя страничка тоже пуста. Только список бывших друзей, которые периодически пишут и интересуются, не подошли ли я еще. Вдох. Выдох. Ты – умирающий парень. Ты не боишься смерти. Нет. Ты жаждешь ее и живешь в ее ожидании. Ты можешь умереть завтра или послезавтра и не боишься этого. Но тебя бросает в дрожь от одной мысли, что ты можешь добавить ЕЕ в друзья на Фейсбуке? Ты сам-то видишь весь идиотизм ситуации? А вдруг она отклонит заявку? А вдруг ты завтра не проснешься? Пальцы трясутся. Один клик. Нужен всего один клик. Но я не могу никак решиться. Чувствую, как капля пота течет по лбу. Просто один клик, Мика. Или еще одна упущенная возможность. Дверь внезапно открывается и, прежде чем я отдаю себе отчет в своих действиях, кликаю на «добавить в друзья». Я, черт меня подери, кликаю. Рафаэль вглядывается мне в глаза.

– Я слишком быстро вернулся?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Тогда почему у тебя такой испуганный вид, будто мама застала тебя за порно?

Я закатываю глаза.

– Ты просто придурок.

Он пожимает плечами.

– Ну что, готов к очередному проигрышу?

«Нет, не готов, – думаю я. – И ты даже не представляешь, насколько...»

Леа

Год назад мне пришла заявка в друзья от некого Микаэля Делиона. Что было весьма любопытно само по себе, ведь его страница была копией моей. Точно такой же пустой и безликой. Я добавила его со словами:

– Дай угадаю, ты тоже страшный?

Он оценил шутку.

– Не представляешь насколько, – был его ответ с подмигивающим смайликом. И вот уже целый год я как на привязи. Я жду его сообщений, жду его мыслей, слов, предложений. И когда я получаю очередное его послание, на моем лице появляется счастливая улыбка. Он стал мне другом в трудный период, и за это я безмерно ему благодарна. Мне нравилось общаться с ним инкогнито. Он не видел меня, он не знает, какая я. Он не знал, где я учусь, что я люблю, какие у меня интересы. Я совершенно новый для него человек. А мне как раз и хочется стать новой.

Толстовки, скрывающие фигуру. Лицо без макияжа. И обувь на плоской и только плоской подошве. Изменения кардинальные. За год из популярной красивой зазнайки я стала безликой серой мышью, которую не замечают в коридоре. И мне это нравится. Мне нравится, какая я. Я не хочу привлекать внимание, оно мне не нужно. С Микой я чувствую себя собой. Свободной собой. Как бы банально это ни звучало, но с ним я не должна соответствовать норме. Ему и только ему я могу без фильтра написать собственные мысли и, не перечитывая, отправить сообщение. И мне так любопытно его увидеть! Мне хочется посмотреть в глаза парню, с которым я общаюсь сутки напролет. Человеку, который знает все мои тайные страхи и переживания. Который читал о моих мечтах и надеждах. Человеку, чьи сообщения я жду с особой радостью. Я хочу увидеть парня, который стер все границы, и у которого потрясающая душа. Но мне так страшно. А что, если он не шутил, когда писал «не представляешь насколько». А что, если это не парень вовсе, а девочка? Какая-нибудь странная девочка, которой нравится притворяться мальчиком. Множество страшных вариантов всплывают в моей голове. Но я точно знаю: я не смогу спокойно вздохнуть, пока не увижу его. Я готова. Сколько раз я откладывала этот момент! Мне нужно было душевное общение, но сейчас – сейчас я хочу посмотреть, какие глаза у человека, с которым я мечтаю. С которым делюсь сокровенным и которому доверяю любые,

даже самые маленькие и незначительные нюансы своей жизни. Трясущими руками я набираю текст: «Пришли мне свою фотографию». Простая просьба, но как много от нее зависит! Палец застыл над кнопкой «enter». Перечитываю свое короткое сообщение. Проверяю на ошибки четыре жалких слова. Закрываю глаза и опускаю палец на клавишу.

Все. Сообщение отправлено. Доставлено. Прочитано. Сердце бешено колотится в груди. Тук-тук. Такое ощущение, что оно сейчас взорвется от перенапряжения. Он начинает что-то писать. Я задерживаю дыхание. Мой собеседник останавливается. Я все еще не дышу. Жду. Проходит минута. Перед глазами темнеет. Две минуты. Я закрываю глаза и не шевелюсь. Секунды медленно текут одна за другой. И мне уже кажется, что он никогда не ответит. Вдруг сигнал, оповещающий о новом сообщении, взрывает тишину вокруг. Резко открыв глаза, я вижу. Я вижу фотографию. Селфи. На ней красивый брюнет средиземноморской внешности. Непослушные блестящие волосы доходят до плеч, взгляд черных глаз устремлен в камеру. Пухлые красные губы приоткрыты в улыбке. На левой щеке видна ямочка. Легкая щетина дополняет весь образ. Он сидит на кровати, а рядом на тумбочке стоят электронные часы, показывающие 22:43. Он сделал снимок две минуты назад. И я радуюсь. Я просто радуюсь. Вглядываюсь в глаза. Неужели эти потрясающие глаза принадлежат ему?

«Ты тоже пришли», – пишет он, возвращая меня в реальность. Я тянусь за телефоном, быстро делаю селфи и отправляю ему. Все. Я перешла Рубикон.

Рафаэль

В последнее время Мика проявляет особый, не свойственный ему энтузиазм. Это не может не радовать. Мама ходит счастливая, и вся атмосфера в доме из серой и безжизненной превратилась в радужно-разноцветную. Я захожу к брату в комнату. Он опять смотрит в комп и даже не замечает моего присутствия. Просто пялится, будто увидел приведение.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

Он вздрагивает. Поднимает голову и фокусирует на мне свой взгляд, не отводя глаз. Он продолжает смотреть, не моргая.

– Мика, – говорю я, – в чем дело?

Он моргает, хватает с тумбочки телефон и кидает мне.

– Сфоткайся, можешь?

Я присаживаюсь на другую сторону постели.

– А зачем?

Верчу телефон в руках, не глядя на брата. Жду ответа.

– Я делаю для мамы видео к нашему восемнадцатилетию, использовал детские фотографии, твоих взрослых маловато.

Я не говорю ему, что наш день рождения – второго апреля, а сейчас семнадцатое февраля. Я не говорю. Потому что не хочу знать, по какой именно причине он заранее готовит для нее подарок. Я просто поднимаю телефон и улыбаюсь в камеру счастливой улыбкой.

– Держи.

Он медленно забирает трубку, словно обдумывая что-то.

– Мама сказала, что ты с кем-то переписываешься, – решаясь нарушить тишину, говорю я. Мне не нравится выражение беспокойства на его лице.

– Да, – коротко отвечает он.

Повисает очередная пауза.

– С кем-то, кто тоже болеет раком? – спрашиваю я, чтобы как-то продолжить этот диалог.

Он поворачивает голову в мою сторону и смотрит прямо в глаза.

– По-твоему, я не могу общаться со здоровыми людьми? – он говорит шепотом, но этот шепот громче всякого крика.

– Я не это хотел сказать, я...

Он перебивает меня.

– По-твоему, у меня нет никаких других интересов, кроме обсуждения своей скорой смерти?

– Мика, – резко обрываю я и встаю с постели, – я просто хотел узнать, с кем ты общаешься.

– Ты просто лишний раз напомнил мне, что я неполноценный парень, умирающий от рака.

Я ничего не отвечаю. Я просто выхожу из комнаты, хлопнув дверью. Быстро спускаюсь по лестнице и выбегаю из дома, хватая на ходу шлем от скутера. Сегодня я не вернусь сюда. Сегодня я буду веселиться. За нас двоих. Это мой способ сказать жизни: «Да пошла ты!»

Глава 3

Микаэль

Конец не приходит внезапно, ты ощущаешь его приближение. Такие тихие, бесшумные шаги, холодное дыхание за спиной. Ты резко открываешь глаза и знаешь: осталось совсем немного до полного освобождения. Наверное, понимание того, что тебе осталось совсем чуть-чуть в этом мире, помогает решиться и осуществить сумасшедшие идеи, рожденные в твоём бредовом сознании. Я встаю с кровати и направляюсь к столу. Так давно я не сидел за ним, так давно не держал в руках ручку. Вертя ее в отвыкших писать пальцах, я собираюсь с мыслями. Достая из ящика стола черный пустой блокнот, подаренный мне дедом два года назад. На кожаной черной обложке

выгравирован герб нашей семьи Делионов – два льва с раскрытыми пастьями, словно издающие грозный рык. А посередине – большая латинская буква D. Под гербом строгими печатными буквами золотого цвета написано «Микаэль Делион». Сейчас мне кажется, что блокнот все это время томился в ящике моего стола только ради одной цели. Я открываю первую страницу и начинаю писать.

Леа

Стоя под душем, я прокручиваю в голове нашу последнюю переписку с Микаэлем.

«Ты красивая», – написал он.

«Ты тоже, – ответила я, – а еще это значит, что мы оба грязные обманщики».

«Потому что никто из нас не урод?»

«Именно».

И все. На этом все. Далее следует черед моих сообщений. «Мика, привет, как дела? Мика, куда ты пропал? Мика, я переживаю, с тобой все хорошо?» Все это я написала за последнюю неделю, с понедельника по воскресенье. В начале второй недели я поняла, что он не ответит. Он просто исчез из моей жизни так же внезапно, как и ворвался в нее. И мне хочется плакать. Я хочу просить его не оставлять меня, продолжать писать мне буквы, которые создавали слова, которые, в свою очередь, превращались в так любимые мною предложения. Это жалко, грустно, печально. Прошел целый месяц с тех пор, как он исчез. Сегодня семнадцатое марта, а его последнее сообщение пришло семнадцатого февраля. Даже как-то поэтично – получить первое и последнее сообщение в один и тот же день с разницей в один год. Я никак не могу перестать об этом думать. Почему он исчез? Мне нужно знать причину, иначе я сойду с ума. Не может быть, чтобы человек проник в душу, ум, сердце, а потом просто пропал. Причина. Мне. Нужна. Причина.

Громкий стук в дверь вырывает меня из водоворота мыслей.

– Эй, ты живешь здесь не одна, быстрее выходи и оставь мне горячую воду, достала...

Я не отвечаю. Отчим начинает барабанить в дверь.

– Слышишь, ты, а ну вышла сейчас же. Если через пять минут ванная не будет пустой, я, на хрен, вынесу дверь, ты меня поняла?

Я молча выключаю воду. Беру полотенце, вытираю разгоряченную кожу. Нет смысла говорить, что я только зашла. Нет смысла вникать в его слова и пускать их себе в душу. Но почему они все равно ранят меня? Почему нельзя выработать иммунитет к грубости? Одеваюсь в домашние шорты и майку. Открываю дверь и иду в свою комнату, закрываю дверь на защелку. На часах 23:56. На дворе весна, но она очень холодная и серая. И прямо сейчас сильный ливень барабанит по серым крышам ночного Парижа. Я открываю окно, и в комнату врывается ветер со свежим запахом дождя. Ложусь прямо на пол у окна и слушаю шум падающих капель. И мне интересно, бывает ли им больно, когда они разбиваются о землю? Стоит ли их полет того, чтобы в конечном итоге превратиться в лужу, которая высохнет с приходом солнца? Закрываю глаза и вспоминаю. Однажды я задала тот же вопрос Мике. И он ответил, что это похоже на жизнь. Мы летаем, мы живем, но каждого ждет конец, просто мы об этом не думаем – или думаем, но не так уж часто. И разве мы боимся жить, потому что крушение в конечном итоге неизбежно? Напротив, мы жаждем как можно больше жизни, и так же, наверное, капли мечтают о полете, представляют его и ждут с нетерпением. Помню, я рассказала Микаэлю о том, что случилось со мной четырнадцатого февраля и как это изменило мою жизнь. Он сказал, что тому ублюдку нужно переломать все кости, и мне стало так приятно, что хоть кто-то не считает его героем, добившимся своей цели! На это Мика предположил, что в моем окружении, очевидно, нет нормальных парней. А я ответила, что в данный момент в моем окружении нет абсолютно никого. И он сказал мне, что у меня есть он. И я поверила. Он был у меня каждый день, практически каждую минуту, нон-стоп в течение целого года. Его шутки, его мысли, его философия. Помню, однажды он сказал, что мечтает оказаться со мной в Париже. И мы стали писать друг другу свои мечты. Да, так бывает, когда два одиночества находят друг друга. Мы писали всякие мелочи: что бы мы делали, где гуляли, что ели, как держались бы за руки и целовались. Мы создали свой мир. Наш мир, который принадлежал только Мике и Леа, и никому больше. И вдруг в один день все прекратилось. Ни сообщений, ни шуток, ни даже банального «прощай». Я так дико скучаю по нему! Мне так сильно не хватает его сообщений со словами

«доброе утро», «спокойной ночи», «целую тебя». Того, с чем я жила на протяжении года. Я слушаю шум дождя, и мне хочется свернуться калачиком и заплакать. Но вместо этого я сосредотачиваюсь на дожде. На его шуме. Полностью погружаюсь в звук ветра и капель. Отключаю голову, и нет ничего в этом мире для меня в это мгновение. Этому тоже научил меня Мика.

Я вижу, как он идет. Он выше меня на голову. Черная футболка с длинными рукавами подчеркивает его красивые предплечья. Длинные волосы собраны в хвост. Он остановился на перекрестке, будто в ожидании кого-то, вглядывается в лица прохожих. Достает из кармана джинсов пачку сигарет и медленно закуривает, втягивая и выпуская дым. Я затаиваю дыхание. Он поворачивает голову, и я вижу его лицо. Черные глубокие глаза задумчивы. Он прикусывает губу и очередной раз затягивается. Я стою на месте, не шевелясь. Слежу за каждым его движением. На его руке поблескивает кольцо, а запястье перевязано. Он оглядывается в мою сторону и, поймав мой взгляд, смотрит сквозь меня. Будто я пустое место, и меня тут нет. Просто нет. Я – невидимка. Он затягивается последний раз, выкидывает окурок в урну. Слегка нахмурившись, поворачивает направо и исчезает за углом. Он не узнал меня. Не смутился, не спрятался – просто не узнал. Посмотрел, как на незнакомого человека, и пошел дальше. Что-то сломалось внутри меня в этот момент. С хрустом надломилось и рассыпалось в щепки. Я все еще стояла, не шевелясь, в надежде, что он вернется и позовет меня по имени.

...Утром меня будит шум машин. Я открываю глаза и вижу до боли знакомые серые тучи, серые крыши и серых людей, которые кажутся такими маленькими там, вдали, и их спешка выглядит такой нелепой. Весь пол вокруг меня мокрый, майка и шорты тоже промокли насквозь. Тихий стук. Запутанные мысли. Это был сон? Стук повторяется, в этот раз настойчивее.

– Леа, ты проснулась? – доносится до меня голос мамы. Да, я спала. Мне снился сон. Такой реальный. По коже бегут мурашки.

Я поднимаюсь и направляюсь к двери. Трясусь от холода или от шока. Мысленно благодарю Бога за весенние каникулы. Открываю дверь. Мама осматривает меня, качает головой.

– Почему ты такая мокрая? – с нотками раздражения интересуется она.

– Не знаю, – глупо отвечаю я и тру глаза.

Она вздыхает:

– Тебе принесли посылку. Мне не отдают, у курьера распоряжение вручить ее тебе лично в руки. А я опаздываю на работу. – Мама разворачивается, я слышу, как она прощается с курьером, а потом за ней закрываются двери лифта.

Босиком я подхожу к открытой нараспашку входной двери, у которой стоит маленький мужчина с седыми волосами:

– Доброе утро, мадемуазель Санклер?

– Я давно ничего не заказывала, – говорю я, глядя на маленькую коробочку в его руках.

– Мое дело – доставить, – с улыбкой отвечает он. – Распишитесь.

Я вяло расписываюсь на помятой бумажке, которую он тут же прячет в задний карман джинсов. Попрощавшись, бреду в свою комнату, разглядывая коробку. Странно, но на ней нет ни адреса отправителя, ни печатей почты. Только мое имя и адрес, написанные ровными печатными буквами прямо на коробке. Я возвращаюсь в коридор и открываю входную дверь, но, разумеется, курьер уже ушел. Вновь закрывая дверь, я пытаюсь сообразить, что же может быть в коробке. Слегка трясую ее, внутри что-то гремит. Я иду на кухню, достаю нож и еще раз с недоверием кошусь на странную посылку. Любопытство побеждает, я вскрываю упаковку и вытряхиваю содержимое на кухонный столик. Два конверта и блокнот. Черный, кожаный. Мое дыхание учащается, в горле встает ком. «Микаэль Делион», выведено золотыми буквами прямо по центру. Я провожу пальцем по его имени, осторожно беру блокнот и конверты и быстрым шагом оправляюсь к себе в комнату. Вдох. Выдох. Я сажусь на кровать и трясущимися руками открываю блокнот. Бумага приятная на ощупь, гладкая. Мои глаза вглядываются в слегка неряшливый почерк:

«Я хочу рассказать тебе правду. Я не знаю, как она будет выглядеть, красиво или отвратительно. Я даже не знаю, как рассказать тебе о ней. Но я точно знаю, что ты заслуживаешь правды». Мое сердце начинает биться с бешеной скоростью, а клубок мыслей в голове запутывается еще сильнее.

«Начну по порядку. Первое: в эту секунду, когда ты читаешь эти неряшливые закорючки, меня уже нет на этом свете». Останавливаюсь, перечитываю. Опять останавливаюсь и опять перечитываю. Это должно быть шуткой. Но следующие его слова выбивают воздух из моих легких.

«Да, Леа. Я умер. Это не шутка и не тупой розыгрыш, у меня не настолько нездоровое чувство юмора. Я говорю правду, и правда выглядит так: к тому моменту, когда ты будешь читать эти строки, я, Мика Делион, буду мертв. Но это не начало, а скорее конец. Видишь ли, у меня всегда были проблемы с написанием сочинений. Я прекрасно знаю, что сочинение должно состоять из трех частей: начала, середины и конца. Так что, если ты не против, а ты не можешь отказать умершему человеку, я начну с начала.

Я абсолютно случайно нашел твою страницу в Фейсбуке. На тот момент она ничем не отличалась от миллиона других страниц. Девочка-подросток, которая учится в старшей школе. Фотографии с друзьями, посты, комментарии. Все как у всех. Но твои посты и твои комментарии выделялись из общей массы. Мне давно не попадалось ничего настолько остроумного, и я давно так не смеялся. Я стал заходить к тебе на страничку каждый день. Это стало моим особенным ритуалом. Размещать свои веселые мысли было твоим хобби, а моим было их читать. Каждый день ты писала что-то новое, и каждый день твои мысли вызывали у меня искренний смех. Но вот однажды твоя страница вдруг опустела. И может, я расценил это как знак. Будто некая невидимая сила дала мне подзатыльник. Я отправил тебе запрос, и так началась наша дружба. Я знал, что умираю, но мне хотелось писать тебе, как обычный нормальный парень писал бы девушке. Хотя кого я обманывал? Обычный нормальный парень позвал бы тебя погулять после недели общения. Обычный нормальный парень не умирает от рака. Но с тобой я мог забыться. Я мог представить себя тем самым обычным... нормальным парнем. С тобой рак не существовал. Были только ты и я, Леа. Сейчас я понимаю, насколько эгоистичны были мои помыслы. Но даже будь у меня возможность вернуться в прошлое, я поступил бы точно так же. Потому что знакомство с тобой – это лучшее, что случилось со мной в жизни. В общем, вот и вся моя история. Вся, так сказать, правда. Я умираю от рака в неполные восемнадцать лет. Тебе не должно быть грустно. Я обрел свободу, о которой мечтал. Это, наверное, и есть середина моего повествования. Больше не будем мусолить тему неизлечимой болезни. Видишь ли, разговоров о ней мне хватило и при жизни. Осталась концовка, и она, пожалуй, самая сложная. Cut the crap.[2 - Хватит этой чепухи (англ.)]Одна из самых любимых мной англоязычных фразочек. Так что все, ближе к сути.

Я прислал тебе не свою фотографию. Ведь на фотографии я не выгляжу больным? Я выгляжу там здоровым, молодым парнем без всяких проблем? Дело в том, что на снимке Рафаэль, мой брат-близнец. Если бы я был обычным парнем, то выглядел бы точно так же, как он. Ну, разве что был бы гладко выбрит и короче подстрижен. Почему я отправил его фотографию? Причина моей лжи, наверно, и так ясна. Я убегал от неизбежного. Теперь оторвись от чтения, просто оторви глаза от текста на минуту».

Я, как зачарованная, делаю то, о чем он просит. Я перестаю читать, поднимаю голову и тупо смотрю в окно, считая про себя секунды. В голове пусто. До сих пор я читала написанные слова, но их смысл ускользал, словно мой мозг взял обеденный перерыв и сказал: «Меня тут нет». Секунды уходили. Осталось пять, четыре, три, две, одна. И я опускаю глаза к блокноту, вновь берясь за чтение. Будто робот, который выполнил одно действие и принимается за другое.

«Я не знаю, что меня ждет после смерти. Мне любопытно и страшно одновременно. Но если души существуют, я бы хотел, чтобы моя прилетела к тебе именно в этот момент. Быть может, минуту назад я смотрел тебе в глаза и наконец узнал, какого они цвета».

Именно в этот миг осознание происходящего накрывает меня холодной волной, и слезинки, одна за другой, начинают течь из глаз. Тихий стон срывается с моих губ. Мысль «это неправда, этого не могло случиться, просто не может быть» заполняет меня целиком, цепляясь за несуществующую надежду. Но в глубине души я знаю. В глубине души я понимаю, что это правда. Не шутка, не розыгрыш, не чья-то больная фантазия, а просто настоящая злая правда. Я вновь выпускаю почти неслышный стон. Я хотела узнать, почему исчез Микаэль, но такая причина меня не устраивала. Нет, абсолютно не устраивала. Трясущими руками я переворачиваю лист.

«То, что я умер, не означает, что я окончательно ушел из этого мира. Существует общеизвестная фраза: „Мы живы, пока есть сердца, которые нас любят“. Мы живы, пока о нас помнят. Леа, я хочу, чтобы ты помнила меня, чтобы ты всегда знала, что у тебя есть я. Возможно, я стану твоим ангелом-хранителем. Возможно, индийское перерождение души работает, и я вновь попаду в этот мир. И, может, мы даже встретимся. Если у тебя будет желание писать мне свои мысли, как раньше, пиши. Где угодно. На листе бумаги, в записках на телефоне, на запотевших оконных стеклах. Просто пиши. У меня такое ощущение, будто я

обязательно их прочитаю...»

Мне тяжело дышать, и строчки расплываются перед глазами из-за слез, но я не могу перестать читать.

«У меня есть к тебе очень личная просьба, Леа. Я опять должен бы вспомнить правило „начало, середина, конец“, но у меня в голове все ужасно перепуталось, так что я напишу без предисловий, как есть. Мне нужна твоя помощь». Ком встает у меня в горле. «Это касается моего брата – Рафаэля. Ему будет тяжелее всех. И ему нужен будет друг, Леа. Настоящий, искренний друг, которых так мало дарит нам судьба. Я хочу попросить тебя стать его другом. Если ты читаешь этот блокнот, значит, человек, которому я оставил его, сдержал свое обещание. А еще это значит, что Рафаэль вернулся в Париж. Информацию о том, где он учится и чем занимается, ты тоже найдешь в посылке».

Я кое-как рву белый конверт слабыми пальцами и вытаскиваю два листа бумаги. Первый похож на анкету. В левом углу приклеена фотография, на ней тот самый парень, чье лицо я разглядывала все эти месяцы. Он улыбается, смотрит в камеру, волосы собраны в хвост, а выражение лица веселое, непринужденное.

Под фотографией текст:

«Рафаэль Делион.

Возраст: почти 18 лет. (Последний год фразу „ну мне почти восемнадцать“ от него можно было услышать чаще, чем „привет“).

Вес: 83 кг.

Рост: 1.84.

Хобби: игра на гитаре, кикбоксинг.

Любимая песня: Queen „We will rock you“.

Больше пунктов нет. Я всю жизнь мечтал быть шпионом и получить конверт с целью или заданием».

Я грустно улыбаюсь. На втором листе другим почерком написано:

«Частная школа Paul Claudel D'hulst. 21 Rue de Varenne.[3 - Название и адрес школы.]Седьмой округ Парижа. Терминал ЕС»[4 - Терминал – название выпускного класса. Во Франции обучение в старшей школе составляет 3 года. 10-й класс – Секонд, 11-й – Премьер и 12-й – Терминал. С 10-го класса происходит разделение на три потока: L – литературный, S – научный, ES – экономический.].

Я тоже учусь в ЕС. И у меня еще есть время поменять школу. Сумасшествие? Еще какое. Как можно стать чьим-то другом? Не знаю. Стоит попробовать? Не знаю. У меня есть план? Нет. Уверена ли я? Нет. Готова ли я попытаться? Нет.

«И да, Леа, не говори ему, что мы с тобой дружили, или что ты хочешь ему помочь. Этот засранец пошлет тебя в обоих случаях. Сохрани наше общение в тайне. Удачи. Она тебе понадобится. И да, я, конечно, умирающий сумасшедший парень, но насколько бы несуразной не казалась идея, она реализуема, так как в жизни возможно все».

Я вытираю слезы и перечитываю все вновь и вновь. Раз десять или пятьдесят, а может быть, и все сто. Я не могу оторваться от его обращенных ко мне последних слов. Плача, скуля, я перечитываю каждое предложение, а потом случайно роняю блокнот, и из него выпадает сложенный лист бумаги.

«Мне кажется, нужно попрощаться с тобой как-нибудь по-особенному. Возможно, ты неправильно меня поймешь или не поймешь вовсе. Но сейчас четыре часа утра, я не сплю и мечтаю о тебе. О той идеальной жизни, где бы я держал тебя за руку, а ты улыбалась мне. О той идеальной жизни, где я бы знал вкус твоих губ и запах твоего тела. Мне почему-то кажется, что это не конец. В одной из своих жизней я обязательно узнаю, спишь ли ты на животе, и какое мороженое любишь. Я мог спросить. Но не спросил и теперь жалею. Глупо, да? Я люблю тебя. И это не глупо. Микаэль». В этот момент мое сердце разбивается на миллион осколков. Оно просто взрывается в груди, наполняя ее щемящей болью. Потом я почти весь день сижу на кровати, уставившись в одну точку и не зная, как перестать плакать. В голове ворочается запутанный клубок мыслей. В конце концов я встаю. Аккуратно складываю блокноты в ящик, умываюсь. И опять ложусь. Три дня я пребываю в некой прострации. Такое бывает, когда сознание потихоньку усваивает и принимает потрясшую новость. Тогда ты не понимаешь,

спишь или бодрствуешь. Не понимаешь, где ты и что делаешь. Мыслями ты далеко, а все происходящее абсолютно теряет смысл. Ты не знаешь, что тебе делать дальше...

Рафаэль

Холодная вода стекает по моему лицу и груди, вызывая озноб. Зубы стучат, кожа покрылась мурашками. Я стою на балконе под дождем и впитываю в себя всю его злость на этот мир. Он стучит так сильно, ветер воет так громко, молния и гром разрывают небо. Природа будто пребывает в отчаянной ненависти ко всему вокруг. И я понимаю ее. Я разделяю этот гнев. Мне так не хватает брата! Такое ощущение, что я умер вместе с ним. Внутри меня пусто. Нет абсолютно ничего. Я сажусь на пол балкона и сижу до тех пор, пока последняя капля дождя не падает на землю и шум стихает. Тогда я вскакиваю с места и возвращаюсь в дом. Вода стекает, течет с меня на пол, на антикварный персидский ковер. Дедушка будет в восторге. Но с другой стороны, забрать меня в Париж и поселить с Этьеном в качестве няньки и Селин в качестве собачки на побегушках было исключительно его идеей. Сколько себя помню, Этьен и Селин работали в этом доме. Неужели им еще не надоело? Мои вещи все еще в сумках. Селин попробовала их разложить, но я сказал, что займусь этим сам. И вот прошла целая неделя, как я «дома», а я до сих пор спотыкаюсь о чемоданы. Весь мокрый, я ложусь на кровать и вновь открываю ноутбук Микаэля. Пароль. Чертов пароль – и осталось три попытки, после чего все полетит к чертям... «Ее имя – ключ ко всему» – коротенькая подсказка, которую оставил мне брат. Мой милый мертвый братец, ты – чертов ублюдок. Я с силой захлопываю ноутбук. Я перепробовал все женские имена, и значимые, и незначительные. Внутри поднимается новая волна злости и раздражения. Я должен узнать, что внутри этого ноутбука. Мне нужно знать, чем ты занимался в последние месяцы жизни. Мне нужна хотя бы маленькая частичка тебя тут, со мной. Я снимаю с волос резинку и встряхиваю головой. Я так сильно тоскую без тебя!

Я хватаю лампу с прикроватной тумбочки и кидаю ее в стену. В голове раздается мамин голос: «Ты должен научиться контролировать свой гнев». Ага, и поэтому она отправила меня к деду. Лампа разбивается с таким грохотом, что у меня нет сомнений: Этьен и Селин сейчас прибегут сюда, а утром в два голоса расскажут деду, что я порчу его дорогостоящее имущество. Так что, не дожидаясь очередной нотации, я вскакиваю с кровати. Ключи от скутера и кожанка – вот все, что мне нужно.

Выбегаю на кухню, оттуда через черный ход во двор, где припаркован мой верный друг. А потом меня ждет темный переулок, куда после захода солнца не суется даже полиция. У полицейских своеобразный подход – патрулировать днем, пока там пусто. Отметиться, поставить галочку и свалить. Жалкие трусы. Я сажусь в мокрых джинсах на скутер, завожу его и обнаруживаю, что забыл шлем. Вспоминаю, как два года назад Мика показывал мне отвратительные фотографии парней, попавших в аварию без шлема. Над их головами словно поработала бригада маньяков. «Ты мне больше нравишься со своей наглой ухмылкой», – сказал он тогда. Трясу головой, избавляясь от воспоминания. Вдали отчетливо сияет купол церкви. «Ненавижу тебя», – думаю я в адрес Бога, с силой сжимая кулаки. Ты всемогущий? Ты можешь убить каждого? Попробуй тогда убить меня. Ну же. Просто попробуй.

Глава 4

Леа

Час ночи. Из коридора доносится оглушительный топот. Отчим ходит так специально, лишний раз доказывая себе и окружающим, что это ЕГО квартира и он может передвигаться по ней, как хочет. И плевать он хотел, что сейчас ночь и мы пытаемся спать. Топот злой и нервный, в ночной тишине он тяжело отдается у меня в мозгу. Я не спала несколько суток, и сейчас тоже не могу уснуть, голова кипит и раскаляется. Слышны грубые ругательства и громкий стук в мою дверь.

– Какого хрена в доме нет хлеба? Я хочу жрать, за весь день у тебя не нашлось минуты, чтобы оттащить свою тощую задницу в буланжери[5 - В булочную.]? – Еще один удар кулаком и крик: – Ты ни на что не годишься!

Я сворачиваюсь калачиком и закрываю уши руками. «Я не слышу, я ничего не слышу».

– Я к тебе обращаюсь!

Очередной удар в мою дверь. Дверь маминей спальни скрипит.

– Жозеф, ради всего святого, глубокая ночь, не пугай соседей.

И тут начинается... Он орет на нее, она орет на него. Я раскачиваюсь взад-вперед на кровати, ломая пальцы, мечтая, чтобы все смолкло, но крики продолжают. Я велю себе собраться и не реагировать. Не принимать близко к сердцу, не впускать в себя всю эту злую энергию. Но я не могу. Нервы оголены до предела. Очередной крик, брань. Моя голова просто взрывается. И я вскакиваю с кровати: толстовка и сумка – вот все, что мне нужно. Я пулей вылетаю из комнаты, и плевать, что я в пижамных штанах, а кеды трудно надеть без носков. Зато спустя две минуты я мчусь по лестнице прочь из этого ада. Я слышу мамин голос, который разносится по всей лестнице. Она кричит, чтобы я немедленно вернулась, но ноги несут меня прочь все быстрее и быстрее. Я выбегаю на улицу. В нашем районе по ночам очень опасно: неблагополучный район, высокий уровень преступности, но это последнее, о чем я думаю, несясь по улице в час ночи. На глазах выступают слезы. Я не знаю почему, но я бегу и плачу. Слезы текут по щекам, они мешают мне видеть, но я не могу их остановить. Вдруг я слышу крики и останавливаюсь как вкопанная. Пульс гремит в ушах и мешает сосредоточиться на близком шуме. Я закрываю глаза, считаю до пяти и вновь открываю их. В груди горит, а голова идет кругом, но я делаю усилие и концентрируюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Хватит этой чепухи (англ.).

3

Название и адрес школы.

4

Терминал – название выпускного класса. Во Франции обучение в старшей школе составляет 3 года. 10-й класс – Секонд, 11-й – Премьер и 12-й – Терминал. С 10-го класса происходит разделение на три потока: L – литературный, S – научный, ES – экономический.

5

В булочную.

Купить: https://tellnovel.com/delon_dana/neprozhitaya-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)